

В тот зимний месяц я жил в Ленинграде в коммунальной квартире у друзей — приехал защищать диплом в ЛГИТМиКе, — но каждый день звонил домой, в Москву, — ожидалось прибавление семейства. Во время одного из звонков жена сказала:

— Тебе звонил Пырьев.

У меня трубка чуть не выпала из рук. Я наблюдал Пырьева давно — он дружил с моим учителем Леонидом Луковым, того даже и называли «Пырьев со студии Горького», но никогда я не удостоивался внимания Ивана Александровича, взгляд его скользил мимо одного из ассистентов друга. Оно и понятно — мало ли молодых людей вьется вокруг могущественных режиссеров в надежде на скорую карьеру. Позже, работая в объединении Пырьева на «Мосфильме», я часто встречал его в коридоре: худой, длинная шея и суковатая палка в руке, отсчитывающая своими ударами об пол шаги хозяина. На худсоветках объединения, куда мне удавалось проникнуть во время обсуждений материала картин, на которых я работал, Пырьев был резок и категоричен. И в поощрении, и в критике. А сейчас позвонил сам? Мне!

— Я сказала, что ты в Ленинграде, — пояснила жена. — Он просил тебя появиться сразу, как приедешь.

В шестой павильон студии, застроенный декорациями «Братьев Карамазовых», я шел с нескрываемой тревогой и волнением: что «приготовил» мне этот неумный Пырьев? И, наверное, от своего состояния долго не мог найти выхода из обширного двора, сплошь уставленного горшками с цветами, изображавшими траву. Неловко переступая через очередной горшок, сбил другой, получил нагоняной от реквизиторши, распахнул какую-то калитку и увидел Пырьева.

у дверей его кабинета. Пырьев вошел, стуча палкой, сбросил плащ на чепенделевский диван, сел за стол и сказал:

— Ну?

Повесть сельского учителя Некрасова «Старики Кирсановы», напечатанную в «Новом мире», которую я предложил к постановке, Иван Александрович читал, она ему нравилась. Спросил только:

— Кто сценарий будет писать?

— Я.

— Нет. — Пырьев был категоричен — нам человек нужен, с которого и ты, и я можем спросить. А все, что ты захочешь, он все равно напишет. И твою долю денег тебе отдаст.

— За что?

Пырьев подозрительно прищурился, изучая меня: действительно не понимаю или прикидываюсь? И не уловив, очевидно, фальши в моем голосе, врзал:

— За то, что ты режиссер!

— Раз так — тогда Борис Можаяев. Он прекрасно знает село.

— Я не против. Пусть пишет, — согласился Пырьев. — Он, правда, на нас обиделся — мы один его сценарий не взяли. Но если согласится — пусть пишет.

Можаяев согласился. Мы с упоением кинулись в работу. Когда сценарий был готов, Пырьев, прочитав его, сказал:

— Сценарий хороший. Мы его примем — студия не пропустит. Ну, студию мы пробьем, главк не пропустит. Ну, главк мы пробьем — комитет не пропустит. Ну, комитет мы пробьем, снимешь ты картину — никто ее не пропустит, и никого мы не пробьем. Не нужно снимать этот сценарий!

Полугодовая работа рушилась, я стал уговаривать Пырьева, рассказывать, что на фоне похорон сына ста-

— Очередь на постановку — не очередь за хлебом! Талантливый идет без очереди!

Однажды в квартире Пырьева оказался молодой режиссер, пораженный роскошной обстановкой и выдал из себя:

— Вы почти в коммунизме живете!

— Правильно. — согласился Иван Александрович, — весь наш народ идет в коммунизм, все 200 миллионов. Но в очереди! Так вот, я в начале очереди, а ты в конце!

Необходимость ориентации в производстве на интересные режиссерские индивидуальности возникла у Ивана Александровича еще в середине пятидесятых годов на посту директора «Мосфильма», когда производство в кинематографе стало расширяться после малокартинья. Не считывая на зрелость выпускников ВГИКа, думая, что им еще нужно совершенствоваться, он выступил одним из инициаторов создания при киностудии Высших режиссерских курсов, воспитавших Георгия Данелию и Игоря Таланкина, привлек к работе в кино целую плеяду театральные режиссеры и среди них — Анатолия Эфроса.

Весьма остро воспринимал он новые веяния, пришедшие в кино в шестидесятые годы. Я слышал, как Луков, посмотрев на студии Горького материал шпаликовской и хуциевской «Заставы Ильича», уговаривал Пырьева — тогда главу Союза кинематографистов — поддержать гонимый руководством Комитета по кинематографии материал фильма, дать возможность закончить картину в том виде, как задумана она была создателями. Пырьев слушал защитительную речь друга, с которым он сблизился, еще работая в Киеве над картиной

жилась не в его пользу. Донской, предвкусив победу, заявил, что он лучший шахматист среди всех режиссеров.

— Ты лучший шахматист, лучший боксер, лучший юрист! — взревел Пырьев. — Да?

— Да, — уверенно согласился Донской.

Пырьев в ответ смешал фигуры и вместе с доской выкинул в окно.

Донской захохотал:

— А шахматы-то, Ваня, ваши!

Пырьев не разговаривал с Донским несколько месяцев. Работавшие с Пырьевым сотрудники говорили: Иван Александрович

Этот разноликий Пырьев

17 ноября режиссеру Ивану Александровичу Пырьеву исполнилось бы 90 лет.

Жизнь его для современников, наверно, останется так до конца и не понятой. Не принятый властью в начале своего пути как сатирик, он чуть позже был обласкан ею же за фильмы-комедии, полные лубочного оптимизма. Несколько Сталинских премий сделали его почти небожителем. А спустя десятилетие — объектом острейшей критики. Свое недюжинное влияние он использовал на развитие и расширение отечественного кинопроизводства, которое и возглавил, что впоследствии несколько не помешало коллегам отодвинуть его на второстепенные роли.

Воспоминания о мастере вошли в книгу известного режиссера Леонида Марягина, в которой он рассказывает о многих людях, с кем свела его судьба более чем за три десятилетия работы в кино. Сейчас книга готовится к печати. Мы печатаем главу из нее.

Он сидел в келье старца Зосимы за конторкой мастера павильона, похожей на школьную парту, и ел макароны, тщательно цепляя вилкой нехитрую пищу. Рядом стоял заместитель директора Коля Гаро и с улыбочкой выслушивал пырьевские указания о подготовке очередного кадра. Гаро ушел. Пырьев, продолжая есть макароны, не замечал, казалась, меня. А я не решался прервать его трапезу. Наконец, не поднимая головы, Пырьев спросил:

— Вы что здесь делаете?

— Меня просили появиться.

Пырьев первый раз удостоил меня взглядом.

— А? Это ты. Я смотрел твою короткометражку. Никакого там сценария нет, а картину ты сделал, — он имел в виду новеллу «Ожидания», сыгравшую в моей киношной судьбе немалую роль. Короткометражка прошла по американскому телевидению и явилась одним из аргументов моей работы с Голливудом по фильму «Бухарин».

Сразу, без перехода, Иван Александрович предложил:

— Хочешь у меня работать?

— Да, — выдохнул я.

— Завтра в девять приходишь в мой кабинет и скажешь, что ты хочешь ставить, — он встал из-за конторки и ушел, растворившись в святащемся квадрате двери павильона.

Такой поворот дела был похож на чудо, но в чудеса нужно верить, я поверил доброму волшебнику Пырьеву и задолго до девяти был назавтра

риков Кирсановых, которыми кончался сценарий, я дам картину уборки — пойдут комбайны, косилки.

Пырьев выслушал все это, недобро блеснул зоркими, пронзительными глазами и гаерски поклонился мне:

— Спасибо. Это мы все умеем. Только это уже не кушается.

Добрый волшебник превратился в злого джинна — Иван Александрович на время потерял ко мне интерес.

Но Пырьев был Пырьевым — человеком резким, контрастным в своих проявлениях — и через полгода он снова предложил постановку. На этот раз все обстояло сложнее — в сценарии «Хозяин тайги» того же Бориса Можаяева, написанного емко, по-писательски сочно, он предлагал переакцентировать действие на персонаж второго плана — повара лесорубов, имея в виду, и не бескорыстно, определенную актрису.

Перечислил девять пунктов, по которым должна вестись работа. На этот раз мне пришлось отказать от постановки.

Иван Александрович был разгневан и прямо на обложке сценария написал мне послание, в котором отменял в непечатной форме все свои комплименты в адрес моей короткометражки.

Такую реакцию нетрудно было понять — в объединении Пырьева существовала очередь на постановки, отказ режиссера был явлением нечастым. Сам художественный руководитель, пытаясь сломать сложившийся стереотип, любил повторять:

«Богатая невеста», мрачнел, а потом оборвал:

— О чем это кино? Таких людей сколько в стране? Сто в Москве и пятьдесят в Ленинграде. Как теперь говорят на «плешке»!

Луков не унимался — рассказывал, как обрадовал его интересный подход к новому открытию повседневно.

— Такие картины, Леня, — подвел черту Пырьев, — болезнь нашего кино, болезнь нужно лечить, а не поддерживать!

Иван Александрович ошибся — время поддержало тенденцию Хуциева, вернее, эта тенденция и была выражением того «оттепельного» времени, на открытиях которого и базируется сегодняшнее новое кино.

В поведении Пырьева было что-то преувеличенное, я бы сказал, мейерхольдовское (недаром он прошел актерскую школу в театре этого режиссера): находясь на посту директора крупнейшей студии в стране, он мог встать на колени перед безвестным режиссером и униженно его просить, мог и уничтожить человека, дав волю своему мощному темпераменту.

Леонид Луков рассказывал мне, как перед войной в Киеве Пырьев, считавший себя хорошим шахматистом, играл с режиссером Марком Донским, не отстававшим от Ивана Александровича в самомнении. Жили они в гостиной, в соседних номерах. Донской днем, до того, как Пырьев вернулся со съемок, взял у его жены шахматы и после ужина пригласил соседа к себе на игру. Пырьев пришел. Игра сло-

не любил людей, боявшихся его умеренных резкостей, с уважением относился к умениям постоять за себя, отстаивать свое достоинство. Это похоже на правду. Мне пришлось наблюдать его в одной ситуации: во время подготовки сценария «Старики Кирсановы» Пырьев попросил меня поехать вторым режиссером на одну из картин объединения:

— Мы тебе постановку даем, помоги и ты нам!

Я поехал.

Через тройку месяцев у меня с постановщиком возник конфликт — я счел себя оскорбленным, мне пришлось вернуться с картины. Мой поступок был вне интересов объединения: нужно было искать другого второго режиссера, уже четвертого по счету на этой картине, так как сработаться с постановщиком было трудно. Пырьев выслушал все доводы моего отказа от картины и заявил:

— Не вернешься на картину — уволим со студии!

— Не вернусь.

— Ну, пеняй на себя! — заявил Пырьев, и я ушел.

В этот же день на площадке перед центральным входом «Мосфильма» мы снова встретились.

— Не поедешь? — спросил Пырьев.

— Нет, — сказал я, покрывшись испариной.

— И правильно! Я бы тоже не поехал! — и пошел к машине, стуча палкой.

Леонид МАРЯГИН.